

[Главная](#) > Александр Дьяков: Швейцарец с русской душой

Александр Дьяков: Швейцарец с русской душой | Alexander Diakoff: A Swiss with Russian soul

Автор: Надежда Сикорская, Женева, 20. 03. 2013.

Александр Дьяков на женеvской улице (© Nasha Gazeta.ch)

22 и 23 марта женеvский баритон-бас выступит на сцене городского Оперного театра сразу в трех ролях в оратории Сергея Прокофьева "Иван Грозный". |

The bass-baritone from Geneva will perform three roles in Prokofiev's the oratorio «Ivan the Terrible» at the Grand Théâtre de Genève on March, 22-23rd.

Имя этого тонкого музыканта и очень симпатичного, как выяснилось при личном знакомстве, человека встречается на наших страницах уже с 2009 года: то он пел Великана в «[Коте в сапогах](#)», то Магрибского мага в «[Волшебной лампе Алладина](#)», а то, совсем из другой оперы, Евангелиста в «[Страстях по Матфею](#)» митрополита Илариона Алфеева. Разумеется, и русская фамилия, и разнообразие репертуара привлекли наше внимание. Так что на примете у нас он был давно, а вот встретиться довелось только сейчас, накануне исполнения в Женеве оратории Сергея Прокофьева «[Иван Грозный](#)».

Оказалось, что все еще интереснее, чем мы думали. Внешне Дьяков мало похож на стереотипного баса – и не огромный, и не толстый, а так, средней величины, в меру упитанный. Родился Александр в Женеве, а русский он только

наполовину, по папе, так что вполне можно обращаться к нему «Александр Владимирович». Мама – швейцарка, но тоже России не чужая: ее бабушка прожила там тринадцать лет в конце 19 века, преподавала французский, тетя во время Первой мировой войны два года проработала сестрой милосердия. А мама до сих пор регулярно ездит в Россию – просто так.

По отцовской линии все предки – священники и музыканты, один из Дьяковых был думским дьяком еще при царе Алексее Михайловиче! В 18 веке представители династии служили в церковных приходах в разных российских городах – Белозерске, Черновцах, Новгороде, Вологде... Первый документ, подписанный фамилией Дьяков, хранится в Кирилло-Белозерском монастыре. В 19 веке Дьяковых начали, выражаясь современным языком, «направлять на работу за границу». Дед Александра состоял юрисконсультом в российских посольствах в Брюсселе и Вене, в австрийской столице семью застала Первая мировая война. Сразу вернуться в Россию не позволили дела, а потом... последний мост через Вислу был взорван, и путь домой был отрезан. Пришлось выбирать, куда ехать: в Швецию или в Швейцарию. Выбрали Швейцарию, где уже находились некоторые родственники.

Наша Газета.ch : Александр, чем занимались Ваши предки, оказавшись в Женеве?

Дед стал священником в Русской церкви. Он очень много занимался русскими беженцами, причем не только в Швейцарии, но и во Франции. Его жизнь – это отдельная история, достойная целого романа.

Следующие поколения Дьяковых формально ушли из церкви, зато вторая семейная традиция, музыкальная, лишь окрепла...

Да, в нашем доме всегда звучала музыка. Отец был виолончелистом в Оркестре Романдской Швейцарии до середины 1970-х годов, работал с Эрнестом Ансерме. Он общался со многими

выдающимися музыкантам и той эпохи, достаточно назвать имена Шаляпина, Стравинского, Глазунова. С 1937 года и до самой смерти в XX году руководил хором при Русской церкви в Женеве, писал для него музыку. Большая часть музыкального архива отца хранится в Библиотеке Женевской консерватории. Родившись в Брюсселе в 1909 году и умерев в 1978-м, он, к сожалению, так и не узнал России.

Как же при такой наследственности Вы не очень охотно говорите по-русски или делаете это неуверенно?

Во всем виноват дед по материнской линии! Мы жили в одном доме, в Каруже, он по-русски не говорил, ну и из вежливости все остальные тоже не говорили. При этом дед очень интересовался Россией. Он принял Советскую власть, состоял в Рабочей партии Каружа и даже подписался на французскую версию журнала «Советская жизнь», который я в детстве регулярно читал, узнавая последние новости о сборе хлопка в Узбекистане и пшеницы в Украине!

Вы получили отменное музыкальное образование. Вы не только с отличием окончили Женевскую консерваторию по классу знаменитого швейцарского оперного певца Эрика Таппи (кстати, он тоже прославился исполнением партии Евангелиста в «Страстях по Матфею», но Баха), но успели поучиться у Евгения Нестеренко в Московской консерватории. Как это Вам удалось?

Совершенно случайно! Я, действительно, по-русски говорить стесняюсь, так как считаю, что делаю это недостаточно хорошо. Но ухо у меня на этот язык натренировано, и если очень надо, то могу и поговорить. Даже по телефону! Это я все рассказываю к тому, что в 1985 году, когда отмечалась очередная круглая дата Женевской консерватории, на празднование приехал тогдашний ректор Московской консерватории Борис Иванович Куликов. Параллельно в Женеве

проходила встреча Михаила

Горбачева и Рональда Рейгана, и все профессиональные переводчики были задействованы на ней. Вот почему, учитывая мое русское происхождение, меня и приставили переводчиком к Куликову. Я его всюду водил, все показывал, у нас получился контакт и, уезжая, он сказал, а что бы тебе, мол, не приехать к нам поучиться? Так, с его легкой руки, в 1988 году я отправился на два года в Москву, стажером в класс к Евгению Нестеренко.

Какие воспоминания остались у Вас об этом периоде?

Ярчайшие! Конечно, в экономическом смысле это был трудный момент, но зато в культурном, музыкальном планах находиться тогда в Москве было невероятно интересно. Евгений Евгеньевич находился в расцвете славы, так что проблем с билетами на все спектакли, концерты, обсуждения не было. Сколько же я тогда пересмотрел и переслушал! Только в Большом – четыре раза «Бориса Годунова», по три раза «Хованщину», «Ивана Сусанина»... А какие концерты... Особенно почему-то запомнился концерт самого Нестеренко в Доме Шляпина по случаю 150-летия Мусоргского, аккомпанировал ему Евгений Шендерович. Вся эта прекрасная музыка в исполнении прекрасных музыкантов до сих пор звучит у меня в ушах.

Нестеренко устроил мне и приглашение на небольшую стажировку в оперной студии при Кировском – тогда еще – театре. Там я работал над партией Гремина.

Но ведь и в политике тогда много чего происходило... Вас это как-то коснулось?

Конечно, ведь это был самый разгар перестройки, гласности, всех реформ. Я жил в студенческом общежитии на Малой Грузинской и там, естественно, все это бурно

обсуждалось. Мне было очень интересно сравнивать то, что я видел своими глазами, с рассказами старших членов нашей семьи. И знаете, странно: только выйдя из поезда на Белорусском вокзале, я всей душой ощутил себя русским. Москва была голодная, серая, холодная, а я был дома, мне было хорошо. Кстати, именно в Москве я по-другому начал воспринимать природу – например, я впервые услышал, как ломается лед на Москва-реке – непередаваемо! Возможно, при общей монотонности общественной жизни, духовная жизнь становится активнее.

Сделали ли Вы какие-то неожиданные для себя наблюдения?

Я понял, насколько по-разному люди могут оценивать одну и ту же ситуацию. В нашей семье царил дух космополитизма, большой любви к большевикам испытывать было не с чего, но и антисоветчиками мы не были. И вот в Москве, в консерватории, я познакомился с удивительным человеком – Федором Фридриховичем Мюллером, с 1942 года работавшим органичным мастером Большого зала. Ему тогда было уже за 80, это был интереснейший собеседник. Он был убежденным коммунистом, а все эмигрировавших русских называл не иначе как белой сволочью. Это было радикально.

Удалось ли Вам побывать на родине предков?

Не поверите – за 72 часа до отъезда из Москвы мне удалось съездить в Рязань, в одной из церквей которой когда-то служил мой прадед. А еще я побывал в деревне Дьяково, около Коломенского. Она не имеет к нашей семье никакого отношения, за исключением того, что в ней останавливались дьяки в то время, когда царская семья проводило лето в Коломенском. Но в этой деревне я пережил сюрреалистический опыт. Я оказался там в момент, когда старинное кладбище, закрытое в 1950-е годы, было возвращено церкви. И вот люди лопатами рыли землю, и взорам открывались надгробные плиты, гробы, кресты... Это было невероятно.

Создавалось впечатление, что земля разверзлась, и мертвые восстали. Те семьи, которым не удавалось найти «свою» могилу, складывали гору из осенних листьев в форме гроба, втыкали сверху веточку с прикрепленной к ней бумажкой с именем...

Давайте вернемся из России в Женеву и поговорим о Вашем репертуаре. В оперных постановках Вы исполняете, чаще всего, характерные партии. Почему?

Потому что они мне подходят, я очень люблю не только петь, но и играть. Обожаю оперы Моцарта, Россини, в которых есть возможность создать интересные образы. Но при этом я очень люблю и духовную музыку, участвовал в исполнении многих произведений Баха, Монтеверди, Генделя, Гайдна, Дворжака...

Можно ли говорить о Вашем русском репертуаре?

Конечно! Я много и с огромным удовольствием пою циклы Мусоргского «Смерти и пляски смерти», «Без солнца», «Детская», произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Участвовал я и в исполнении «Всенощной» Рахманинова, «Литургии» Чайковского, в постановках музыкальной «шутки» Шостаковича «Антиформалистический раек» и его оперы «Нос», а также в «Дуэнье» Прокофьева.

В "Летучей мыши" Штрауса (© Marc Renaud)

Бартоло в "Севильском цирюльнике" (© Vaclav Derner)

Александр Дьяков в жизни (© Nasha Gazeta.ch)

Умберто в "Служанке-госпоже" Перголези (©Katia Velletaz)

Деревня Дьяково, 1989 (Из личного архива А. Дьякова)

В последнее время я часто исполняю партию Евангелиста в оратории митрополита Илариона.

Что Вы можете рассказать о предстоящем «Иване Грозном»?

Не хочу много рассказывать, чтобы не лишать публику сюрприза. Я исполняю в этой постановке три партии – Чтеца, Ивана Грозного и Басманова. Для каждой нужно было найти какую-то изюминку. Чтеца я представляю себе как летописца, читающего древнюю рукопись, в образ Грозного «перехожу», садясь на трон. А вот что я нашел для Басманова, вы узнаете, придя на концерт.

Есть ли у Вас какая-то не реализованная пока мечта, партия, которую хочется спеть?

Скажу Вам так: я верю в счастливый случай и доверяю ему. Судьба посылала мне много интересных встреч, путешествий, ролей... Надеюсь, она будет посылать их и дальше.

От редакции: Напоминаем, Вы можете услышать Александра Дьякова на сцене Женевской оперы 22 и 23 марта.

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
